

А. Г. РУДАЛЕВ

Ломоносова рано сдавать в спецхран

Чем для нас сейчас является Ломоносов? Ну, для Архангельской области, как и для МГУ, понятно, это бесконечный предмет гордости и почитания для первой и символ, указывающий на истоки, силу монументальности, для второго. Но для всей прочей России? Неужели нечто совсем раритетное, давно отошедшее в глубокие запасы музеев с отлитым из бронзы именем, с которого ведет начало отечественная наука? Показательный пример, приведенный в одной из своих статей филологом М. Л. Гаспаровым¹: «В 1911 году отмечался 200-летний юбилей Ломоносова, никто этого не заметил, кроме профессиональных филологов: Ломоносов был уже только музейной ценностью²». Конечно, какие-то его научные заслуги могут восприниматься не совсем актуальными, язык его торжественных од тяжеловесным и, мягко говоря, устаревшим, нечитабельным. Но образ научного, культурного подвижника, героя, который явил нам Михаил Васильевич Ломоносов, едва ли когда-либо устареет, он важен во все времена, так как в нем соединились многие свойства русского гения, русского национального характера и коренной системы ценностей. И изучать его важно потому, что через это мы понимаем саму отечественную культуру на реальном примере, а не создаем какие-то оторванные от жизни умозрительные и мало соответствующие реальности мыслительные конструкции.

Образ Ломоносова интересен для исследователя, так как он соединяет в себе два, казалось бы, крайне сложно соединимых начала: старую Русь и новую Россию, светский тип культуры и традиционный религиозный. Научную деятельность его можно с полным основанием рассматривать за особый тип подвижничества. Причем тип этот не уникальный, но в полной мере присущий отечественной культурной традиции. Можно сказать, что это особый архетипический образ, необычайно важный для понимания отечественного культурного развития, величина, своими трудами конструирующая ее будущее. Сейчас претендентов на это не видно. Оттого и культура затаилась, притихла, встала в стойку, как перед рывком. Но рывка все нет, а суставы затекают от бездействия...

Известный отечественный философ Серебряного века П. М. Беццilli³ в своей статье «Трагедия русской культуры» выделяет две

разновидности прогресса: прогресс цивилизации и прогресс культуры. Причем то, что является благом для одного, не всегда таким предстает для другого. Говоря о культурном развитии, философ отмечает, что прогресс ее «особого рода — без закономерностей, без прямолинейности, без необходимости осуществления сознательно поставленных целей, — состоящий в накоплении результатов духовного опыта, в обогащении запаса духовных стимулов и творческих возможностей» (*Бицилли П. М.* Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000, 361). Все это поставило Россию в преимущественное положение по сравнению со странами Западной Европы в культурном отношении: при том, что русская цивилизация всегда «должна была наспех догонять Европу», русская культура получила возможность всецело воспринять европейский опыт, необычайно обогатить его и сделать не только своим (Ломоносов, Пушкин), но и общемировым достоянием (Достоевский, Лев Толстой, Чехов). Не это ли делал и М. В. Ломоносов, обогащая, освежая отечественную культурную почву западноевропейским содержанием?

Изначальное свойство русской культуры: чрезвычайная восприимчивость и открытость ко всему. Чужой опыт, попавший на ее почву, сразу мыслится, воспринимается своим собственным, в этом есть свои плюсы и минусы. Принятие христианства от Византии, сделавшее Древнюю Русь в единоечасье наследницей величайших мировых культур — на одну чашу весов, и слепое шествование по следам постулатов марксистской идеологии — на другую. Именно эта особенность дает пищу для многочисленных высказываний, будто бы в России не было культуры, тезисов об ее отсталости в культурном отношении.

Иллюстрацией тезиса о необычайной восприимчивости русской культуры и чудесном сочетании в ней вселенского и самобытного может служить поэтический гений Пушкина, который после Ломоносова уже окончательно оформил ее образ Нового времени. Именно он вывел русскую литературу в разряд мировой, именно он в полной мере усвоил культуру Западной Европы и соединил ее с отечественной традицией. И в то же время, практически канонизированный в России, он совершенно непонятен на Западе. Можно сказать, что вся русская культура рождается из особого сплава, ансамблевости. Причем этот синтез часто непонятен в отрыве от национальной специфики. Если Петр I, выучившийся и попутешествовавший по Европе, тщетно пытался выбрить бороду своим древнерусским корням, то, например, М. В. Ломоносов как раз и является такой синтетической личностью: виднейший деятель науки и искусства своего времени, он, родившись на Русском Севере, глубоко генетически связан с культурой Древней Руси, со старообрядчеством и получил великолепное образование в Германии.

При всей распаханности вовне, при всей внешней красоте, стройности, грандиозности и гармоничности здания отечественной культуры мы знаем, что за ее монастырскими стенами, изобилующими красотой и благолепием, есть кельи, сокрытые от глаз постороннего, где ведется уединенное молитвенное общение с Тем, к Кому она всегда стремится. Под шикарными нарядами таятся вериги, которые вросли в тело. Не боясь впасть в чрезмерный пафос, все же скажу, что фигура Ломоносова — особый этап обновления культуры, некий Ренессанс ее, ведомый силой гения. Действительно, отечественная культура не знала Ренессанса, каким он расцвел во Франции и Италии. Однако это вовсе не показатель ее ущербности, как это некоторые отчаянные головы хотят представить. Ренессанс был, но не как особый культурно-исторический период, его провозвестниками были личности, равносильные титанам итальянского Возрождения. Без сомнения, Ломоносов из их числа. Науки, искусства образовали в нем гармоническое единство. Единство, послужившее основой культурного прорыва России в XIX веке, ведь культура — это, говоря словами Ф. Тютчева, есть «гармония в стихийных спорах»⁴. В ней примиряются противоречия: человеческое соединяется с божеским, временное с вечным, осознание мира происходит посредством простых, но в то же время необычайно значимых понятий. Именно такую гармонию и являл собой Михаил Васильевич, от которого многие ведут отсчет культуры России Нового времени.

Литература всегда держит руку на пульсе времени и в то же время соотносит его ритм с определенными устоявшимися нормами. Она не скачет безудержно по косогорам с единственной навязчивой идеей ухватить момент. Чтобы определить роль литературы, которую она должна и может играть в современном мире, нужно четко понимать, что в отечественной культурной традиции личный подвиг всегда был приоритетней и многим ценней, чем корпоративный, потому как нес в себе жертвенное начало, посыл полной самоотдачи, реализацию второй заповеди: «возлюби ближнего как самого себя». В то время как общие ценности всегда рассматривались важней личными, волевое устремление каждой отдельной личности, духовное подвижничество и обустройство «внутреннего» человека всегда почиталось многим ценней любого социального института. Этическая программа Ломоносова, которая в полной мере отражалась в его литературных опытах, строилась на безусловном примате принципа общей пользы. Высшее проявление человеческой личности, через которое реализуется ее достоинство, как раз и состоит в полной самоотдаче, практически жертвенном служении общему благу. Отсюда в мире нет ничего случайного, оттого как все в нем подчинено единому закону. Этот закон и пытается постигнуть художник, писатель, просто гражданин. Хрестоматийные строки «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни

императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»: «Я россов счастьем услаждаюсь, // Я их спокойством не меняюсь // На целый запад и восток», по сути, можно поставить водоразделом для любых дискуссий из серии «славянофильство — западничество». Есть нечто большее, чем какая-то односторонняя концепция, своей узостью и ограниченностью ведущая в опасную ересь и производящая бессмысленные треволения.

В связи с разговором о личности Ломоносова как о доминанте русской культуры хотелось бы обозначить проблему «писатель и власть», которая все чаще всплывает в последнее время. Нужно ли писателю, культурному деятелю стремиться играть какую-то заметную роль в жизни общества или напрочь отгородиться от каких бы то ни было современных социальных, политических перипетий и уйти в область чистого художества, устроить для себя особый литературный оазис и пребывать там в сладкой неге и блаженстве. На самом деле хочется, ох как хочется склониться к последнему, разом плюнуть на все и заниматься бесконечными саморефлексиями, томно вздыхать и охать по поводу и без, но главное, чтоб меня никто не касался. Но будет ли это уже той литературой, которую мы знаем?

Писательский труд в России всегда был в поле зрения власти, что-то, а значение печатного художественного слова она, власть, никогда не умаляла. И сейчас, думаю, зорко всматривается в культурный ландшафт, но, видимо, по какой-то диссидентской привычке или еще из-за чего-то сама литература пытается схорониться, уйти от этого общения или, по крайней мере, для пущей храбрости сбацать какой-нибудь каламбур про ВВП. Может быть, так и должно быть, потому как реальных сил пока не чувствует. Власть — жуткий соблазн, особый искус, который не позволял закиснуть творческому роднику. Общение с ней крайне необходимо, потому как в нем даже не власть влияет на писателя, но сам он формирует образ власти. Если этого не происходит, то, видимо, литература мало значима, мелка, попросту нет ее, вместо нее — фантом, фикция. Да и власть без этого диалога становится малоосознанной, хаотичной и непредсказуемой. Действовать она должна с оглядкой, ведь настоящий художник всегда в оппозиции, и своим авторитетом он не дает ей расслабиться. Авторитет здесь можно рассматривать применительно к понятию «праведности», а, как известно, благодаря одному праведнику спасется целый город.

Так Ломоносов в своих одах вовсе не сатрап царствующих особ, а, возможно, первый в Новой истории страны нашей оппозиционер, целиком и полностью заменяющий собой существующую сейчас и неэффективную партийную систему. Особая форма этикета диктовала специфику обращения к монаршим особам, закрепленную в жанре торжественной оды. Но надо ли говорить, что чествовался

здесь не совсем конкретный правитель, а скорее некий идеальный образ его. Ломоносов продолжил и расширил традицию диалога художника с властью. Диалог этот всегда придавал особое качество писательскому творчеству, избавил его от банального ремесленничества, отношения к нему как досужей забаве. Литература — дело серьезное, писатель прямо и опосредованно, через свои тексты, влияет на направление и характер развития нации. Его суждения могли не принимать, от него даже стремились избавиться, как от Радищева, но просто отмахнуться, не замечать — никогда.

Уникальность ответственности художника слова состоит еще и в том, что с расширением процесса секуляризации в России функции Церкви стала постепенно выполнять литература. Церковь, истина Православия, через писательское слово вошла в мир, не потеряла с ним живоносной связи, хоть и отделенная от государства, но влияла на ход его развития. Вера, культура и власть — это три взаимоуравновешенных кита, составляющие то, что называется идеологией государства. Разделение религии и государства, религии и искусства есть некий переходный период, а не единственно оправданное положение вещей. По словам отечественного философа Владимира Соловьева: «...на современное отчуждение между религией и искусством мы смотрим как на переход от их древней слитности к будущему свободному синтезу» («Общий смысл искусства»)⁵, А пример этого свободного синтеза — все тот же М. В. Ломоносов.

Можно сказать, что первая победа секуляризации в России состояла в отделении Церкви от государства. Сейчас необходимость разделения государства и Церкви стала уже для многих аксиомой, все твердят это как особое заклинание, не сильно вникая в суть дела. Что дальше? А дальше, как сказал классик, возможно все: срывать колокола, взрывать храмы, расстреливать священников, да и обычных людей резать, почему нет... Развитие государственной машины идет в таком направлении, что оно не терпит никаких себе конкурентов и постепенно избавляется от всех. Церковь в современном мире для многих скорее некий атрибут, выполняющий разве что декоративные функции, также на задний план в своей значимости влияния на ход истории отходит то, что принято называть сферой искусства, духовной культуры. И выходит, что у государственной машины нет никакого реального противовеса, нет Ломоносова. Так называемое «руководство страны» не подотчетно никому, ведь всем понятно, что та же партийная система — пыль в глаза, она давно уже показала свою бездейственность и кукольность.

Любой авторитет, могущий претендовать на какое-либо влияние на ход государственного строительства, незамедлительно отодвигается на периферию, загоняется в гетто, при жизни записывается в фонды музея или какого-нибудь заповедника. Наглядный и показательный пример — положение писателя Александра Солженицына⁶. То,

что не смогли с ним сделать при советской власти, сейчас легко обделали: он вроде бы и есть, но в то же время его нет, он говорит, он пишет, но его мало кто слышит. Люди, гнавшие его из страны в свое время, сейчас бы только позавидовали такому положению вещей.

В последнее время все чаще говорят об обособлении литературы от государства. С точки зрения здравого смысла и знания о том, чем являлась она все время в России, мысль абсурдная, но очень логичная, если исходить из запросов времени. Все последствия этого можно уже предугадать. Да собственно это мы сейчас видим и чувствуем, то и дело устраивая плач о гибели русской литературы. Гибель не в том смысле, что нет написанных новых литературных произведений, а их сейчас даже больше чем достаточно, но в том, что литература постепенно становится чем-то другим, чуждым и в ближайшем будущем возможно ненужным, излишним. Попробуйте сравнить, каким гоголем смотрится писатель на какой-нибудь телепередаче, рассуждая о проблемах литературы, искусства, и как порой жалко выглядит при обсуждении вопросов экономики, политики, реальной жизни, касающейся всех нас. Иногда смотришь, и возникает необъяснимое чувство стыда, хочется куда-то сейчас же спрятаться, настолько большой отрыв писателя от реальности, полное непонимание которой он часто демонстрирует. И в то же время какая-нибудь юная поп-дива с легкостью может рассуждать о чем угодно, и причем она понятна людям, ее речь и аргументация предельно доходчива, находит свой отклик в сердцах миллионов. Стал замечать, что у этой разглагольствующей публики даже начинают возникать учительные интонации. Ну что ж, свято место пусто не бывает. Раз литература хочет отмежеваться от государства, которое интересно только лишь в качестве поставщика материальных благ, то ее место занимают другие. Кстати, о материальных благах. Не в последнюю очередь жаждой их можно объяснить стремление к этому отмежеванию, ведь в подобной ситуации не будет перехлеста интересов, можно избежать всех острых углов и конфликтных моментов. Так постепенно в нашей литературе стал исчезать конфликт, его попросту нет, есть лишь какие-то смешные потуги, скорее похожие на пародию. Бесконфликтность — это серость, ни то ни се, а с серости какой спрос?..

Как написал в одной из своих статей редактор газеты «День литературы» (№ 3, 2006) Владимир Бондаренко: «Все-таки литература первичнее политики. Великие политики прошлого это прекрасно понимали. Последнее поколение ярких национальных лидеров ушло в шестидесятые годы. Де Голль и Черчилль, Мао Цзэ-дун и Сталин и даже злополучные Муссолини и Гитлер всегда, даже в годы войны, находили время для чтения литературных новинок». Теперь этот контакт остановлен, его практически нет. Литература стоит перед угрозой окончательного превращения в качественную,

но унылую беллетристику для чтения в дороге, на пляже, в офисе между складыванием пасьянса на вертикальной плоскости монитора. Хотя не то чтобы современные писатели не замечают происходящего в обществе, но часто создается ощущение, что все это ему важно лишь как материал, форма освежить сюжетец, запечь горсть изюма в свою очередную булочку и не более. «Было бы глупо и подло игнорировать политику и социологию в наши дни! На фиг тогда нужен этот писатель? <...> Литературное чистоплюйство в наши дни считаю признаком некоторой неполноценности», — сказал в интервью «Новой газете» (15.05.06) Захар Прилепин⁷ — молодой литератор, подающий большие надежды, про которого можно сказать, что он начинал с «Севера». Его максимализм в этом вопросе более чем уместен. Практически бессознательно из памяти всплывают строки из лермонтовского «Поэта» («Отделкой золотой блистает мой кинжал»). Очень злободневной представляется обрисованная классиком ситуация: «Игрушкой золотой он блещет на стене — // Увы, бесславный и безвредный!» К этому мы сейчас призываем, этим мы страстно хотим, чтобы стала литература. Итог этих чаяний тоже прописан: «Никто привычною, заботливой рукой // Его не чистит, не ласкает, // И надписи его, молясь перед зарей, // Никто с усердием не читает...». Печальные тенденции все больше нас поглощают, потому как основы, столпы отечественной культуры редко нами воспринимаются в живом общении, а все чаще мыслятся как бронзовые монументальные изваяния, величественные, но бесполезные.

Вот и приходится вновь и вновь утаптывать землю прописными истинами, что место художника в оппозиции к власти, иначе он просто перестает быть им, что борец он, воитель духовный и уже не существует для себя, не распоряжается собой — все это особая форма диалога его с миром. Все прочее — мастеровитое версификаторство и досужее словоблудие. В этом словоблудии производятся высказывания наподобие: настоящая литература — дело для избранных, всем прочим — глянецовый лубок и ведро попкорна в придачу. Вот так постепенно, троянским конем выстраивается новая культурная иерархия, в которой прежние ценности не играют равным счетом никакой роли, они попросту постепенно задвигаются на десятый план. Вот почему так важно рассуждать о личности того же М. В. Ломоносова применительно к вызовам XXI века, ведь он — человек русского Ренессанса, который в себе воплотил этот культурно-исторический период. Михаил Васильевич — человек Нового времени и в то же время фигура традиционная, тип, возвращенный многовековой отечественной культурой, в котором отразились в полной мере константные черты, свойственные отечественной ментальности, упустить из внимания которые мы просто не имеем права.

